

под редакцией

Елены Невзоровой-Кмеч

Р

Русский язык в иностранной аудитории

Теория, практика
цели и результаты
преподавания

Языкознание

методика и дидактика

WYDAWNICTWO
UNIwersytetu
ŁÓDZKIEGO

Людмила РЫЖОВА

Московский государственный педагогический университет
г. Москва, Россия

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК ИСТОЧНИК ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ

Лингвокультуроведение имеет ярко выраженный познавательный и образовательный характер и предполагает решение как теоретических, так и прикладных, лингводидактических задач. Суть лингвокультурологического подхода заключается в том, что обучение иностранному языку как средству международного общения предполагает наличие высокоразвитых умений в рецептивных видах речевой деятельности, поэтому поиски путей повышения эффективности обучения языку с использованием культурно-страноведческой и лингвокультурологической информации являются в настоящий момент необходимыми. Этот аспект тесно связан с использованием языка как инструмента познания мировой культуры, национальных культур народов страны изучаемого языка через чтение художественной литературы, он основан на идее взаимосвязи и взаимодействия языка и культуры. Язык – составная часть культуры, основной инструмент ее усвоения, это действительность нашего духа. Язык выражает специфические черты национальной ментальности [Лотман 1997: 35, 37]. С другой стороны, «культура включена в язык, так как вся она смоделирована в тексте» [Лотман 1997: 107]. Э. Сепир определяет культуру «как то, что данное общество делает и думает. Язык же есть то, как думают <...> Само собой разумеется, что содержание языка неразрывно связано с культурой» [Сепир 1993: 193–194].

Использование на уроках иностранного языка аутентичных текстовых материалов позволяет знакомить учащихся с культурными и духовными ценностями страны изучаемого языка, с особенностями менталитета и жизни социума. Например, газетные и журнальные статьи дают возможность обсудить текущие проблемы общества, пути их решения, сравнить тенденции развития других социумов с аналогичными тенденциями в своем социуме. Кроме того, работая с прессой, учащиеся осознают, что они обращаются к источнику информации, которым пользуются носители языка. Это повышает практическую ценность владения иностранным языком. Работа с материалами прессы позволяет учащимся знакомиться с явлениями, характеризующими состояние актуальной языковой действительности, узнавать страноведческие и бытовые и духовные реалии повседневной жизни страны и её жителей. Сопоставляя факты и материалы русской и французской прессы, ученики получают средства адекватного вербального выражения реалий жизни не только страны изучаемого языка, но и жизни в своей стране.

Особая роль в познании культурологической составляющей принадлежит художественному тексту, который, как любой другой текст, представляет собой некое словесное речевое произведение, сложный языковой знак, в рамках которого реализуются языковые единицы всех без исключения уровней (от фонем до предложений). Художественные тексты всегда являются авторскими, даже если они написаны анонимно и создается с целью объективировать авторскую мысль, воплотить творческий замысел автора, передать знания, представления о мире и человеке, вынести данные представления за пределы авторского сознания, сделать их достоянием других людей. Важно отметить, что каждый писатель создает в своем литературном произведении некий мир в соответствии с собственным замыслом, с собственным индивидуально-образным восприятием, изображением действительности, жизни [Вежбицкая 1996: 45].

По мнению Е.М. Верещагина, художественные тексты представляют собой не модель реальной действительности, а возможные сознательно конструируемые модели действительности [Верещагин, Костомаров 2003: 45]. Н.С. Валгина, продолжая мысль Е.М. Верещагина, отмечает, что художественные тексты строятся по законам ассоциативно-образного мышления, а нехудожественные – по законам логического мышления; для художественных текстов важна образно-эмоциональная, субъективная сторона явлений, а для нехудожественных – логико-понятийная, объективная сторона [Валгина 2003: 90]. В.П. Белянин объясняет особенности художественного текста, по сравнению с иными типами текста, тем, что в художественном тексте писатель описывает фрагменты дей-

ствительности, с которыми он знаком, развивает соображения, которые ему понятны и близки, использует языковые элементы, которые для него наполнены личностным смыслом [Белянин 2000: 33–35]. Он отмечает, что художественный текст – это «и феномен действительности, и способ отражения действительности, построенный с помощью элементов системы языка» [Белянин 2000: 8]. Именно поэтому «...художественное произведение – считает М.П. Брандес – представляет собой языково-духовную целостность, результат художественного познания и осмысления действительности, результат целесообразного художественно-эстетического переосмысления материала жизни в содержание произведения. Художественное произведение, как и любое словесное нехудожественное – это коммуникативное целое, где каждый элемент его целеустремлен, что-то осуществляет, чему-то следует» [Брандес 1989: 10].

Важнейшим фактором своеобразия художественного текста можно назвать его включенность в мегатекст культуры. Каждый художественный текст, являясь погруженным в культурное пространство эпохи, несет на себе отпечаток культуры конкретного этапа в истории общества, культуры того или иного народа с его устоями, традициями, менталитетом, а также отпечаток культуры неповторимой личности своего создателя. Таким образом, в художественном тексте фиксируется культурно-историческая информация, накопленная в прошедших веках. Читая художественный текст, человек осваивает и присваивает опыт определенной культуры, внедряя конкретный художественных текст в свое сознание, и овладевая нормами осваиваемой через художественный текст культуры, сам становится носителем данной культуры. Следовательно, художественные тексты выступают некими «каналами передачи» социально-исторического, художественно-эстетического опыта, за счет чего обеспечивается устойчивое развитие человеческой культуры, сохранение цивилизации. Запечатлевая расхождения в языке и в культуре народов, в способах мышления и в особенностях восприятия мира разными людьми, произведения художественной литературы ярко выражают национальное своеобразие определенной лингвокультуры [Андреев, Хлодовский 2009: 12].

Художественный текст является одним из источников национально-культурной информации. Национально-культурная информация иначе называется культурным кодом. Каждый народ живет и развивается исключительно при условии, если он не теряет собственного культурного кода. Фиксация же его в художественных произведениях позволяет сохранить культурный код народа, передать его не только другим поколениям, но и иным народам. Культурный код принято также называть национальным менталитетом [Верецагин, Костомаров 2003: 32].

Своеобразие художественного текста как источника лингвокультурологической информации рассмотрим на примере автобиографической прозы Андре Жида [Пшву 2009], получившего в 1947 году Нобелевскую премию. Принято считать, что большая часть произведений А. Жида, написанных в разное время и в разных жанрах, обладает высокой степенью автобиографичности [Токарев 1990: 5–24; Токарев 1993: 503–510]. Традиционно автобиографическая проза как литературный жанр считается довольно сложным для однозначного и непротиворечивого определения. Автобиографии чаще всего создаются выдающимися людьми, сознающими, что их жизнь может вызвать интерес в обществе и быть для него показательной. Как утверждает Ю.М. Лотман, не каждый человек имеет право на автобиографию, а только человек, наделённый определённой свободой выбора своей модели поведения, именно поэтому эта биография и представляет интерес для читателей. Человек реализует не рутинную, среднюю норму поведения, обычную для данного времени и социума, а трудную и необычную для других и требующую от него величайших усилий [Лотман 1997: 805–806]. Создателем автобиографии движет «потребность превратить себя самого в лабораторию наблюдения над человечеством» [Лотман 1997: 816]. Своеобразие Андре Жида как раз и заключается в том, что он – ярко выраженный художник самопознания [Токарев 1993]. Текстом для анализа избран автобиографический роман А. Жида «*Si le grain ne meurt...*» (Если зерно не умрет...) [Gide, 2009], поскольку в нем наиболее полно и последовательно отражены отличительные черты жанра автобиографической прозы, когда реальная личность рассказывает о собственном бытии, акцентируя внимание на своей личной жизни, особенно на истории становления своей личности, и своеобразие писательской манеры и языка А. Жида. Автобиографическое событие репрезентирует менталитет той или иной личности, представляя собой вербально-знаковую символизацию её культурного опыта и отражение её картины мира. Воспоминание о прошлом, передаваемое посредством определенных языковых средств – это определенный творческий акт, в котором осуществляется претворение индивидуального опыта (даже на уровне повседневности) в общезначимый культурный факт [Самарская 2008: 9–10].

Какова же ценность автобиографического романа А. Жида как источника лингвокультурологической информации?

С этой точки зрения лингвокультурологическая информация может быть представлена несколькими тематическими блоками. Поскольку речь идет об автобиографическом произведении, то, естественно, на первый план выдвигается проблема семьи, семейно-родственных отношений

и семейных ценностей. А. Жид родился в Париже в богатой, достаточно образованной еврейской – полупротестантской, полукатолической – буржуазной семье, имеющей многочисленных родственников (как со стороны матери, так и со стороны отца), живущих в разных городах Франции и имеющих определённое положение в обществе. Важнейшим источником лингвокультурологической информации является лингвострановедческий материал, связанный с терминологией родства: *mon père, ma mère, mon grand-père, ma grand-mère, mes cousins et cousines, ma tante, mon oncle* и др. Эта терминологическая лексика не только определяет родственные отношения, но и отражает определённые социально-культурные традиции как «исторически сложившейся и постоянно развивающейся системы духовных ценностей, норм и принципов духовно-практического освоения и преобразования действительности» [Воробьев 1997: 133]. Семья играет существенную роль в становлении и развитии личности, и семейно-родственные отношения предопределяют характер проявления межличностных отношений как с родственниками, так и с другими людьми.

Семья А. Жида была вполне патриархально традиционной: отец, Поль Жид – глава семейства, был преподавателем римского права в Сорбонне, много работал в дома; мать, Жюльетта Рондо, «была ревностной католичкой, мрачным воплощением деспотичного долга, добродетели и строгости» [Токарев 1993: 503]. Она занималась домашним хозяйством и воспитанием сына. Занятый подготовкой к лекциям, отец мало занимался сыном. Большую часть дня он проводил в рабочем кабинете, куда Андре мог входить только по особому приглашению. Ребёнок входил туда как в храм, с почтением и страхом. Но у него сохранились замечательные воспоминания о посещении рабочего кабинета отца, связанные с тем, что и как отец ему там читал. Это были страницы из книг для взрослых и для детей. Родители часто спорили, мама считала, что ребёнок должен быть послушным и беспрекословно подчиняться взрослому, что ему рано размышлять и о чём-то задумываться; отец же многое позволял своему сыну. У него не было какой-то особой программы, но он предлагал сыну узнавать то, что интересовало его самого, что он сам любил, и размышлять о том, что узнавал. Именно это чтение и редкие, но продолжительные беседы с отцом во время прогулок в Люксембургском саду оставили неизгладимый след в сознании Андре Жида: он всегда интересовался литературой, живописью, много читал и многое стремился познать. Авторитет отца был беспрекословным. Тем самым подчеркивается особая социально-культурологическая роль отца в характеристике семейно-родственных отношений, которые сложились во французской культуре относительно «властной роли мужчины в семье» [Воробьев 1997: 139].

А. Жид был болезненным мальчиком. Он посещал Эльзасскую школу, но часто пропускал занятия, из-за болезни оставался на второй год. Но склонность к гуманитарным наукам, знание литературы, умение выразительно читать и хорошо писать сочинения, музыкальное образование позволили ему стать первым учеником в классе. К нему хорошо относились и учителя и ученики. Но друзей у него не было. Хорошие отношения с складывались с некоторыми одноклассниками, с его многочисленными дядями и тётями, кузинами.

Следует отметить, что систематического образования он так и не получил, занимаясь в основном дома с частными учителями. В отрочестве и юности Андре Жид приобрел солидные литературные и музыкальные познания, хорошо знал латынь, английский и немецкий языки. С большой признательностью он вспоминает о культурно-эстетическом воспитании в школе. Еженедельно по вторникам с 2 часов до 5 детей водили в музеи: Сан-Шапель, Нотр-Дам, Лувр, Пантеон, Собор Инвалидов, Музей искусств и профессий. На этой гуманитарно-гуманистической основе школьного и домашнего воспитания формировалась система ценностных ориентаций А. Жида, которая предопределила его повседневное поведение, позволяя устанавливать вполне адекватные межличностные отношения с людьми, его окружающими. В основе этих отношений лежат: уважение к старшим, толерантность, деликатность, учтивость, умение видеть и понимать чувства другого.

С этой точки зрения вызывает интерес религиозная атмосфера многочисленной семьи. Биографы А. Жида указывают, что в детстве будущий писатель получил весьма пуританское воспитание, внутренний протест против которого впоследствии сильно повлиял на становление его личности. После смерти отца в 1880 году рос в атмосфере иступленной религиозности. Но вражды между родственниками по поводу принадлежности к католической или протестантской вере не было. Более того, семья терпимо относилась к тому что, например, один дядя А. Жида, протестант, женился на католичке. Главное заключалось в том, чтобы все жили в соответствии с нормами своей религии. Поэтому сама атмосфера семьи воспитывала уважение и терпимость к разным религиям, уважение к выбору и волеизъявлению всех своих родственников. Но излишняя строгость сугубо женского, после смерти отца, воспитания мальчика оказали во многом негативное влияние на становление и развитие личности будущего писателя, вызвав бурный протест путем утверждения неприятия им назидательности, плоского морализаторства и примитивно понимаемой «воспитательной» роли литературы.

Таким образом, в автобиографическом романе А. Жида «Если зерно не умрёт...» через воспоминания автора о жизни своей семьи и своих род-

ственников с использованием семейно-родственной терминологии дает возможность читателю погрузиться в атмосферу жизни многочисленной еврейской семьи. При этом термины родства образуют четко структурированное «лингвокультурологическое поле» [Воробьев 1997: 147] и приобретают культурно-семиотический характер в силу своей принадлежности к той или иной системе языка (в данном случае – французского), в силу национально-специфической культуры проявления межличностных отношений в социуме и бережного отношения к семейным и общечеловеческим ценностям.

Естественно, лингвокультурологическая значимость автобиографического романа А. Жида «Если зерно не умрет...» не ограничивается областью семьи, семейно-родственных отношений и семейных ценностей. Здесь можно говорить о тех больших и маленьких городах, улицах, домах, комнатах (*Paris, Uzès, Rouen, rue Médicis, Le jardin du Luxembourg, Le jardin du Cuverville, une vieille maison avec jardin, la bibliothèque de mon père, l'antichambre*), где проходила его повседневная жизнь, где он проводил время, общался со своими родственниками, учителями, немногочисленными друзьями и т.п. и которые он подробно, с мельчайшими деталями описывает, раскрывая свой интерес и внимание к многообразию жизни, к разнообразию окружающего мира, предоставляя читателю возможность погрузиться в атмосферу жизни конца XIX – начала XX веков. Это произведение дает представление и о труде и трудовых процессах на рубеже веков, например, на отделочной фабрике в г. Руане, которой смерти мужа (дядя Анри) стала управлять его жена. А. Жид очень подробно описывает эту фабрику, а главное, с позиций «себя сегодняшнего» рассказывает о тех впечатлениях, которые производило на него все то, что там делалось. Это даёт определённое представление об организации и культуре производства.

Таким образом, художественное произведение, в том числе и автобиографическое, является неисчерпаемым источником лингвокультурологической информации.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев М.Л., Хлодовский Р.И.** (2009), *Итальянская литература зрелого и позднего Возрождения*, Москва.
- Белянин В.П.** (2000), *Основы психолингвистической диагностики: модели мира в литературе*, Москва.
- Брандес М.П.** (1989), *Языковой стиль художественного повествования (на материале немецкой художественной прозы)*: Автореф. дис.... д-ра филол. наук. – Киев.

- Валгина Н.С.** (2003), *Теория текста*, Москва.
- Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.** (2003), *Лингвострановедение и текст: Сборник статей*, Москва.
- Вежбицкая А.** (1996), *Язык, культура, познание*, Москва.
- Воробьёв В.В.** (1997), *Лингвокультурология (теория и методы)*, Москва.
- Карасева Ю.А.** (2011), *Художественный текст как объект концептуального анализа*, Вестник РУДН, Серия «Лингвистика», № 1, С. 122
- Лотман Ю.М.** (1997), *Литературная биография в историко-культурном контексте, «О русской литературе»*, Санкт-Петербург, СС. 804–816.
- Маслова В.А.** (1997), *Введение в лингвокультурологию*, Москва.
- Самарская Е.Г.** (2008), *Автобиографическое представление как репрезентант личности персонажа в художественном тексте: Дис.... канд. филол. наук.* – Краснодар.
- Сепир Э.** (1993), *Избранные труды по языкознанию и культурологии*: Пер. с англ., Москва.
- Токарев Л.Н.** (1990), Составление и вступительная статья к: Жид А. *Подземелья Ватикана, Фальшивомонетчики, Возвращение из СССР*. Пер. с фр., Москва, СС. 3–18.
- Токарев Л. Н** (1993), *Послесловие к: «Жид А. Избранные произведения»*. Пер. с фр., Москва, СС. 503–510.
- Gide A.** (2009), *Si le grain ne meurt...*, Paris.

К юбилею Уршулы Семяновской

2014 год. Сентябрь. В Лодзинском университете проходит вторая научно-методическая конференция, организованная Кабинетом дидактики русского языка. Первая состоялась в 2011 году. Это начало было положено Уршулой Семяновской, заведующей Кабинетом. Тогда в Лагевницком лесу в университетском конференционном центре она, будучи организатором этого мероприятия, принимала гостей из Кельц, Кракова, Ополя, Торуня, Варшавы (Польша), Барнаула, Москвы и Волгограда (Россия). Каждый мог увидеть, какой души человек наша «начальница»: добрая, сердечная, отзывчивая, гостеприимная. Теплый прием стал визитной карточкой методической встречи в Лодзи. Многие из коллег приехали на вторую конференцию специально для нее.

Общение с У. Семяновской доставляет истинное удовольствие. Она тонко чувствует людей и умеет найти к каждому подход, охотно делится своими знаниями и опытом, служит в нужный момент советом. Уршула Семяновская – это безупречный педагог и заведующая.

Она не успокаивается на достигнутом и постоянно совершенствует свое профессиональное мастерство, пополняет свой багаж знаний и умений и этого же требует от своих подчиненных.

Она своим примером показала и показывает, каким должен быть настоящий учитель. Она именно такая — охотно оказывающая помощь и доброжелательная ко всем. *Мы поздравляем Уршулу Семяновскую с прекрасным юбилеем. Желаем здоровья, долгих лет жизни, счастья, благополучия, неиссякаемой творческой энергии и успехов во всех начинаниях. Мы гордимся тем, что Вы у нас есть.*

Коллеги

WYDAWNICTWO
UNIWERSYTETU
ŁÓDZKIEGOul. Williama Lindleya 8
90-131 Łódź

tel.: 42 66 55 863

fax: 42 66 55 862

e-mail: ksiegarnia@uni.lodz.pl

ISBN 978-83-7969-754-0

9 788379 697540